

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 года.

1887 г.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1887.

Александрѣ II я удостоился, какъ помнится, въ 1863 году, во время проѣзда его величества въ Москву.

На станціи Бологое одновременно являлись новгородскій губернаторъ Д. Я. Скарятинъ, мой отецъ и предводитель дворянства—П. П. Косоговскій. Государь тогда проѣзжалъ съ императрицей и довольно большой свитой. Тутъ были графъ Строгановъ, графиня Блудова, Столыпина и проч.

Когда поѣздъ остановился, то государь, поговоривъ немного съ отцемъ, Скарятинымъ и Косоговскимъ, удалился вмѣстѣ съ императрицею въ царскія комнаты. Оттуда вышелъ одинъ изъ придворныхъ и передалъ намъ, что мы приглашены къ императорскому столу. Какъ теперь помню эти минуты: я былъ какъ въ чадѣ. Это положеніе тѣмъ болѣе было естественно, что, находясь въ военной службѣ я долженъ былъ особенно взвѣшивать свои поступки.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть возлѣ отца, котораго стулъ приходился на другой сторонѣ стола противъ императорскаго; слѣва возлѣ меня сидѣла графиня Блудова. Она со мною разговаривала о Москвѣ. Къ этому разговору присоединилась фрейлина Столыпина, спрашивая меня о Бахметевѣ, котораго мнѣ приходилось встрѣчать на новгородскихъ губернскихъ выборахъ.

Во время разговоровъ со мной случился неожиданный казусъ довольно страннаго свойства. Гвардейскія военныя каски съ султанами въ то время имѣли металлическіе орлы, которые къ тульѣ прикрѣплялись деревянными клиньшками, вдѣтыми въ металлическія петли. Нужно же было такъ случиться, что всѣ 5 или 6 клиньевъ выскочили и гербъ отдѣлился отъ каски. Хорошо еще, что я его поддержалъ рукой, а то-бы онъ упалъ на полъ. Происшедшее съ моей каской такъ меня смутило, что я только и думалъ о томъ какъ-бы лучше поддерживать гербъ, чтобы не было замѣтно невольной неисправности. Но вотъ обѣдъ кончился. Государь съ государыней встали и все засуетилось.

Государь взялъ свою фуражку и подошелъ къ отцу:

— «Позови своего сына».

Я подошелъ.

— «Отчего ты прежде мнѣ не представлялся?»

«Я не смѣлъ, ваше императорское величество».

Государь улыбнулся, обернувшись къ намъ.

— «Оно и видно, что ты несмѣлъ».

И правда, въ то время у меня было мало смѣлости. Несчастливая каска какъ будто жгла мои руки. Нужно сознаться, что моему характеру всегда была присуща черта, съ которой приходилось бороться много — это застѣнчивость отъ недовѣрія къ себѣ. Всегда сознавая справедливость русской пословицы: «смѣлость города беретъ», я никогда не могъ вполне справиться съ подобнымъ недостаткомъ.

Но вотъ все двинулось съ вокзала на платформу, я безъ каски на головѣ. Государь съ нами простился и поѣздъ, скользя почти безъ шума, тронулся въ Москву.

Мы долго еще стояли на платформѣ подъ впечатлѣніемъ милостиваго пріема.

Говоря объ охотахъ покойнаго императора Александра II, приходится еще рассказать одинъ эпизодъ, касающійся моихъ занятій живописью.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Государя къ намъ на охоту, во время ужина, зашла рѣчь о картинахъ, находящихся въ Бологое.

Послѣ ужина, пересматривая снова картины съ прусскимъ посланникомъ княземъ Рейсомъ, государь похвалилъ нѣкоторые изъ нихъ, затѣмъ, поговоря немного съ нами, ушелъ въ свою опочивальню.

Желая чѣмъ нибудь доказать признательность за вниманіе нашего монарха къ такому маленькому военному человѣчку, какимъ былъ я, у меня утвердилось намѣреніе поднести эти картины его величеству.

Зная, что Императоръ чуть свѣтъ отправляется на охоту, я осмѣлился рано утромъ придти въ залъ выжидать выхода. Какъ будто на счастье, никого изъ постороннихъ не было въ залѣ, отецъ тогда толковалъ съ графомъ Ферзенемъ во флигелѣ объ охотахъ. Но вотъ изъ гостиной вышелъ Государь, веселый, оживленный. Я преклонился передъ нимъ.

— «А, ты тутъ, здравствуй!»

— «Ваше императорское величество, у меня есть до васъ просьба».

Государь удивился, думая, вѣроятно, что я не изъ числа-ли